

Итак, главный герой действительно сильная личность, которая обладает чертами сверхчеловека, безграничной силой и мотивацией реализовывать все свои планы и идеи. Фрэнк Каупервуд не может не побуждать к действиям тех, кто находится вокруг него, даже если это его соперники, которые хотят уничтожить его компанию и сломать его. Проблемы для него – это временные трудности. Он новатор, который умеет зарабатывать деньги, имея немного в кармане. И хотя он действительно весомая фигура в экономической жизни Америки, тем не менее он не всегда добивается успеха честными и нравственными методами.

Библиографические ссылки

1. Драйзер Т. Финансист / перевод с английского М. Г. Волосова. М. : Э, 2017. 736 с.
2. Dreiser Theodore. The Financier. The Critical Edition / Roark Mulligan (ed.). Urbana : University of Illinois Press, 2010. 652 p.
3. Hutchisson J. M. The Revision of Theodore Dreiser's "Financier". Journal of Modern Literature, 1996. V. 20, №. 2. P. 199–213.

АЛЛЕГОРИЯ КАК ФОРМА ИНОСКАЗАНИЯ В РОМАНАХ ДЖОНА КУТЗЕЕ

О. Ф. Жилевич

Полесский государственный университет

Пинск, Беларусь

e-mail: jilevitch@gmail.com

В статье обосновывается актуальность изучения творчества Дж. Кутзее с позиций присутствия в нем жанровой модификации философско-аллегорического романа. Раскрываются особенности функционирования в нарративе произведения аллегории как художественно-эстетического средства текста и конструктивного фактора в организации прозаического целого.

Ключевые слова: иносказание; философско-аллегорическая проза; Джон Кутзее; ирония; гротеск; действительность.

ALLEGORY AS A FORM OF INDIRECTNESS IN THE NOVELS OF JOHN COETZEE

O. F. Jilevich

Polessky State University

Pinsk, Belarus

e-mail: jilevitch@gmail.com

The article substantiates the relevance of studying the work of J. Coetzee from the standpoint of the presence in it of a genre modification of the philosophical and allegorical novel. The article reveals the peculiarities of functioning in the narrative of the

work of allegory as an artistic and aesthetic means of the text and a constructive factor in the organization of the prosaic whole.

Key words: indirectness; philosophical and allegorical prose; John Coetzee; irony; grotesque; actuality language.

Философско-аллегорическая проза сочетает в себе философскую и художественную парадигмы, их разнохарактерные виды действительности объединяются в ней общими качествами. В основе такой прозы лежит художественно-философская мысль, оформленная с помощью аллегории по образно-понятийным принципам отражения мышления соответствующей эпохи. Основные черты современной философско-аллегорической прозы – универсализм в решении проблем определенной эпохи, ориентация на притчево-аллегорическую форму повествования с ее двуплановостью композиции и системы персонажей, абстрагированностью хронотоп и наличием подтекстовой информации [1, с. 37].

Аллегория в данном случае в соотношении с притчевостью формирует особое мироощущение, способ понимания и художественного отражения окружающего мира. В англоязычной южноафриканской литературе аллегория занимала прочное место начиная с её раннего развития (к примеру, в дидактических новеллах Дж. Льва Каше) и до современного периода (например, в философских романах таких авторов как Этьен Леру, Берта Смит и Анна М. Лоу). Критик Ч. Вильгельм находит аллегория в книгах Оливии Шрейнер (1855 – 1920). В своем труде «Ауэца» (1979) он пишет, что произведения писательницы подобны современным аллегориям – это «распространенные повествовательные метафоры для душ людей, стремящихся к истине, но стесненные специфической дилеммой девятнадцатого века, которые должны были вывести их из карательного богословия к свободе нового философского и художественного синтеза» [2, с. 65].

Творчество Джона Максвелла Кутзее (*John Maxwell Coetzee*, род. 9 февраля 1940 года) представляет собой оригинальный художественный опыт создания жанровых форм философско-аллегорической прозы, в которой преломляются трагические события прошлого века и раскрывается проблема сущности человека, его нравственного облика. Дж. Кутзее – лауреат Нобелевской премии по литературе в 2003 году. Первый писатель, дважды удостоившийся Букеровской премии (в 1983 году за роман «Жизнь и время Михаэла К.» и в 1999 году за роман «Бесчестье»).

Цель настоящего исследования – выявить специфику функционирования аллегории как формы иносказания в философском романе Дж. Кутзее «Сумеречная земля».

В своем подходе к аллегории Дж. Кутзее основывается на лингвистической теории Ф. Соссюра. Писатель считает, что «язык – это система обозначений, значения которых являются по сути, произвольными и, следовательно, управляемыми» [цит. по 3, с. 9]. В свою очередь известный критик М. Бюнинг полагает, что «в рамках структурного, семиотического взгляда на язык, в котором каждая единица может быть определена только по отношению к другим единицам в системе с точки зрения синтаксических и парадигматических отношений, особенно актуально изучение литературной символики в целом и аллегории как символической формы в частности. Исследовать аллегории Дж. Кутзее необходимо с точки зрения семантики. Его читателям необходимо постоянно искать значения аллегории за пределами буквального уровня» [4, с. 11]. Л. Замора указывает, что аллегории писателя «изображают болезненно разделенный мир, мир, в котором различия непримиримы и неразрешимы. Его первые три романа до боли ужасны в своем разоблачении духовного состояния Запада» [3, с. 105].

В своей прозе Дж. Кутзее следует также канонам политической аллегории, специфику которой выявил Гегель в «Феноменологии ума». Немецкий философ полагает, что господин и слуга взаимозависимы, но при этом именно слуга, а не господин, воплощает в себе потенциал для обновления. Господин неизбежно становится менее продуктивным, так как он становится все более зависимым, а рост власти у слуги прямо пропорционален его осознанию растущей зависимости своего господина. Романист использует аллегорию для того, чтобы в скрытой форме выразить свои социально-политические взгляды, направленные на борьбу против расизма, этнического и социального неравенства, жестокости. Его произведения являются осуждением насилия по отношению к другому человеку, и он выступает в качестве защитника прав человека. Повествуя о Южной Африке, он показывает напряженность между угнетателем и угнетенным, рисуя душераздирающую картину тщетности усилий угнетенного.

С. Уотсон отмечает, что «Дж. Кутзее позволяет своим фантазиям свободно плавать во времени и пространстве, даже в случаях, когда географические лакуны – явно южноафриканские, что уводит читателя в сферу мифа и архетипа» [5, с. 74]. В свою очередь Дж. Гилмер утверждает, что «вымышленные миры Дж. Кутзее являются «странами разума, территориями «Империи», где традиционные мифологии были разрушены «главным мифом истории» [6, с. 20]. Литературовед заявляет, что писатель действительно заинтересован в изучении сознания, и что монолог сознания – это техника, которая соответствует художественным целям

Дж. Кутзее. Писатель делает акцент скорее на интеллектуальных способностях персонажа, нежели на его характере, прибегает к описанию той или иной ситуации, нежели обращается к развитию действия. Это объясняется тем, что автор не придает значения ни психологическому портрету героев произведений, ни мотивации их поступков.

Основной целью философско-аллегорического повествования романиста является разоблачение собственного вымысла, то есть некоторые сцены из повествования можно убрать или переставить в другую часть произведения. Данная особенность дискурса дает возможности для перестановок в процессе чтения книги» [6, с. 54]. Это не означает, что роман Дж. Кутзее – это некое подобие письма, своего рода дискурс, форма которого будет представлять собой бесконечный вопрос о том, в чем заключается его смысл.

Аллегория, которая лежит в основе произведения «Сумеречная земля», является многоуровневой: она раскрывает ложную природу мифов, якобы управляющих поведением Запада; демонстрирует реальность природы и духа колониализма; рассматривает применимость теории Гегеля к взаимоотношениям между господином и слугой, колонизатором и колонизируемым; это показывает всю степень отчуждения человека, дезинтегрирующий эффект его жестокости по отношению к другим.

Дж. Кутзее, колонизатор, и его потомок, главный герой романа, неоколониалист Юджин Дон, являются жертвами «попыток жить в соответствии с подозрительным представлением о себе» [7, с. 71]. Дон показан в стремлении навести порядок в хаосе, в то время как Дж. Кутзее живет в эйфории от своего превосходства, которое дает ему право на власть над аборигенами. Отчуждение Дона и его глубокая неуверенность в себе подтверждаются метафорой, которую он использует, чтобы описать самого себя: «Я – яйцо, которое должно лежать в самом мягком гнездышке под самой заботливой наседкой» [там же, с. 3]. Иносказание одновременно и иронично, так как то, что вылупляется из этого «яйца», является демонически разрушительным планом, его «застенчивая тайная жизнь» – темнеющей пустотой, пустым небытием, раскрытым Ф. Ницше в его «Сумерках богов».

Юджин Джон противостоит своему господину, Дж. Кутзее, что является попыткой самоутверждения неуверенного в себе «Я». Дон претендует на власть, но читатель видит его бессилие и неадекватность поведения. Сам Дон не понимает, что «освобождающий творческий акт», которым он занят, не творческий, а разрушительный, вызывающий депрессию.

В романе персонаж Дж. Кутзее – это сердечный человек, обладающий мужеством, у которого гордая прямая спина и смелый взгляд. Дон

говорит: «Он мыслит авторитарно. Я бы хотел овладеть этим умением» [там же, с. 109]. В этом высказывании – скрытая ирония, так как Дон доверяет только тоталитаризму, в котором он был воспитан. Несмотря на его слова: «Я должен взять себя в руки», читатель понимает, что его личность на пути к разрушению. Юджин Дон отождествляет себя со своей работой, по плану которой должна быть уничтожена целая нация. Страдая от проявлений шизофрении, он заставляет страдать невинных людей. Его неотъемлемое желание – занять позицию наименьшего сопротивления, подчинить и отказаться от своей индивидуальности.

Таким образом, аллегории Дж. Кутзее многозначны. Читатель мотивирован на поиски смыслов за пределами буквального уровня. Произведения писателя отличает деконструктивный характер, поскольку он пересматривает традиционную роль автора и развенчивает роль истории. Иносказание необходимо писателю, чтобы отразить социальное положение меньшинств в современной Южной Африке.

Суть художественного понимания философско-аллегорического романа «Сумеречная земля» Дж. Кутзее базируется не на эстетическом выявлении философских принципов, а на создании модели воплощения общечеловеческих проблем. Утверждение нравственных ценностей осуществляется путем соотнесенности личностного сознания с миропорядком. Связывая историю и фантастику, вырисовывая конкретные судьбы и политические события, Дж. Кутзее остро ставит проблемы потери человеком ориентации в обществе, утраты духовности и моральных ценностей. В произведении также нашла отражение теория Гегеля зависимости господина и слуги. Дж. Кутзее поднимает проблему отчуждения человека и жестокого воздействия неконтролируемой власти на людей.

Библиографические ссылки

1. Жилевич О. Ф. Современный философско-аллегорический роман: жанровые особенности // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3 : Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія : навукова-тэарэтычны часопіс. 2019. № 2. С. 37–43.
2. Wilhelm Ch. Trends in recent English fiction and criticism in South Africa // English in Africa. 1978, 17-27 September. P. 30–92.
3. Zamora Lois P. Allegories of power: The fiction of J. M. Coetzee. University of Houston, 1985. 186 p.
4. Buning M. T. F. Powys: A modern allegorist. Amsterdam : Rodopi. 1986. 214 p.
5. Watson S. Colonialism and the novels of J. M. Coetzee // Research in African literatures. University of Houston, 1986. 216 p.
6. Gillmer J. The motif of the damaged child in the work of J. M. Coetzee. Pietermaritzburg : University of Natal Press. 219 p.
7. Coetzee J. M. Dusklands. Johannesburg : Ravan, 1974. 320 p.